

Раніше «перехворіти» субкультурою можна було в десятирічний проміжок між кінцем дитинства та остаточним початком дорослого життя. Тепер навіть дитина має практично необмежений доступ до інформації і може вибирати собі ту модель поведінки, яка їй близька, та й дорослі не бажають відмовлятися від звичних образів. В результаті в субкультуру входять не тільки підлітки, а й діти та зовсім зрілі люди.

1. Карп'як В. Молодіжні субкультури / В. Карп'як // Спілка української молоді [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://www.cym.org.ua/content/subcult1.asp>
2. Ми такі різні. Молодіжні субкультури: путівник по інтернет-ресурсам / Уклад. Є. А. Шевченко; ОКЗ «Харківська обласна бібліотека для юнацтва». — Харків, 2015. — 19 с.
3. Новые субкультуры: ванильки, тамлер-герл, «корейская волна» [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <https://sub-cult.ru/chtivo/sub-cult/6727-novye-subkul-tury>
4. Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры / Елена Леонидовна Омельченко. — М.: Институт социологии РАН, 2000. — 261 с.

Кучерук О. А.

Социальное отчуждение в пространстве эфемерного единства. Актуализация вопроса

Досуг современного человека, его интересы и увлечения, жизненная позиция и прочие культурные констатации в условиях информационного плюрализма и сетевого всеохвата являют собой феномен некоего иллюзорного единства, отталкивающегося от текущей социокультурной глобальной устроенности нашего мира. В попытках соединения исторических противоположностей и размытия культурных неоднородностей планетарного социального тела неустанно усердствует современная технократическая культура, конечной целью которой, вероятно, есть построение некоего гардеробного, стандартизированного сообщества с контролируруемыми социальными реакциями.

Описываемое эфемерное единство носит синтетический, стихийно управляемый искусственный характер и, хотя возможной его итого-

вой задачей является утверждение дихотомии элитарного и посредственного, очевидными становятся определенные отклонительные тенденции, которые вскрывают процесс кристаллизации некоего социально разобщенного или неподлинного единства. Сущностью эфемерного единства в этом явлении становится внешняя унификация реципиентов тотальной информатизации (социальные сети, группы, сообщества, «лайки», «посты», «аватарки», индикаторы чувств, страстей, настроений и т. п.). Социальное же разобщение, как нам представляется, являет собой относительно современную тенденцию и демонстрируется в формирующемся феномене социального отчуждения, в котором подавляющее количество субъектов неокolleктивистского пространства — сообщество экзистенциальных одиночек, угнетаемых шумом информационных ретрансляторов.

Современная социальная материя постиндустриального ареала существования на нашей планете, как нам видится, есть сообщество новой квазиколлективной реальности. Транспаранты, портреты вождей, господствующая идеология, как видимые атрибуты тоталитарных государств середины XX ст., подменены брендами, культом кумиров, утвердившейся ценностью траты и потребления. Внешняя действительность современного человека подтверждает тезис о том, что глобальное человеческое сознание в условиях технологического прогресса и всеобщей информатизации так и не смогло отвергнуть мир коллективистского восприятия и ценностей, изменилась лишь аксиологическая форма конструирования указанного восприятия. Но в том-то и дело, что человек по природе своей уникален и неповторим и на вершине своего духовного становления он обречен на одиночество, причем оное является для него неким благом, ценностное понимание которого метафизично по определению. Мы предполагаем, что инстинкт его исторической субъективации (стремление раскрыться) есть один из пассионарных механизмов, трансформирующих в былом контуры социокультурной реальности. При этом, следует отметить, что любая форма подавления этой субъективности в конечном итоге познавала крах. Как справедливо подмечает Жиль Липовецкий, «Идеал подчинения личности рациональным коллективным правилам рассыпался в прах; процесс персонализации обеспечил в широких масштабах фундаментальную ценность —

ценность индивидуального развития, признания субъективного своеобразия, неповторимости личности, независимо от новых форм контроля и гомогенизации...» [1, с. 20–21].

В указанном контексте становится понятной диалектика современного социального отчуждения. В условиях наружного активного воздействия на человеческую субъективность массовых информационных ретрансляторов, усиленных тотальностью всеохватывающего Интернета, сознательная или проявленная сторона человеческой психики включается в деятельное культурное сотворчество с указанным процессом. Параллельно с этим, инстинкт подлинности человеческого естества уводит оное в затаенные уголки экзистенциальных лабиринтов, укрывая его истинное лицо от всех «доброжелательных» агентов новой коллективной реальности. Этот процесс иносказательно напоминает эпизод драматического бытия «жизнерадостного» театрального мима, наносящего грим веселящей маски на изможденное лицо отчаявшегося человека.

Удаленное культурное взаимодействие позволяет формировать искусственный образ личного, довольно часто, лукавого «Я». Начиная со всевозможных «перформанс-апгрейдов» собственного «аккаунта», позволяющих сводить жизнь, нередко заурядной личности, к симуляции «статусного», «активного», «продвинутого» бытия и заканчивая вполне сознательной религиозной, политической, экономико-финансовой манипуляцией мышлением. Вот и выходит, что когда мы говорим о социальном отчуждении, речь идет именно о коллективном подсознательном схватывании парадоксальности данной ситуации и о неосознанном, а в ином случае и осознанном уходе субъективности в некую отдаленность и замкнутость. Как нам представляется, массовая популяризация антисоциального, а также акцентированно вздорного и нелепого Интернет-контента — есть скрытно-активная форма экзистенциальной оппозиции формирующемуся порядку вещей. Мы полагаем, что это является одним из визуально констатируемых проявлений социального отчуждения. Таким образом, вызревают контуры констатации отсутствия объемлющего понимания глубинных социальных тенденций постиндустриального сообщества. Стоит ли говорить о актуальности исследования данного вопроса?

К слову, интересным является некий анализ набирающих популярность «мемов» (символ, образ, единица информации) в Интернет-пространстве, имеющих отношение к выражению человеческого одиночества в глобально-информационном, имитирующем свою подлинность, сообществе. Некоторые примеры данного стихийно возникающего народного творчества приведем ниже:



**Интернет - он не сближает. Это
скопление одиночества.**
Мы вроде вместе, но каждый один. Иллюзия общения, иллюзия
дружбы, иллюзия жизни...





**Виртуальна жизнь,
виртуальный секс,
виртуальная смерть**





Итак, можно подвести определенный итог. Человеческая индивидуальность — уникальный антропофилософский феномен нашего бытия. Она как живой подснежник исторически преодолевала препятствия на пути своего восхождения. Современная глобальная информационная система делает попытки построения нового эфемерно-стандартизированного сообщества с управляемыми ориентирами и желаниями. Одной из стихийных форм противостояния указанным намерениям является процесс социального отчуждения как попытки уклонения от навязываемого виртуально-симуляционного единства. Указанная проблема обладает ультрамодерновым и актуальным статусом.

1. Липовецкий Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Жиль Липовецкий. — Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2001. — 330 с.
2. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / Аласдер Макинтайр [пер. с англ. В. В. Целищева]. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. — 384 с.